

О*ГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

- 1 Средневековый питомец 11
- 2 Приобретение (и утрата) питомца 49
- 3 Качество жизни питомца 69
- 4 Жизнь с питомцами 91
- 5 Питомцы в иконографии 121
- 6 Питомцы в литературе 144

Заключение 169

Благодарности 173

Примечания 175

Источники иллюстраций 229

Библиография 231

Эта книга была издана благодаря щедрой поддержке
и гранту, предоставленному Лондонскому
университету Фондом Изобель Торнли,
а также гранту Фонда Скулуди в сотрудничестве
с Институтом исторических исследований

ПРЕДИСЛОВИЕ*

В средневековой жизни животные присутствовали повсеместно. Люди охотились на них, ели их, доили, стригли, свежевали, на них ездили, пахали, их впрягали в повозки; их наделяли символическим значением, и эта символика работала в самых разных контекстах — от толкования Библии до геральдики. Однако моя книга посвящена домашним питомцам — животным, которых люди избирали лишь для того, чтобы те составляли им компанию.

Содержание питомцев — одна из самых удивительных форм взаимоотношений человека и животных. Питомца зачастую пускают туда, куда другим животным вход запрещен, ему позволен тесный физический контакт с хозяином (носят ли любимца на руках, или он спит в постели), его кормят изысканной едой и покупают для него специальные товары, вроде клеток и ошейников. К нему нередко относятся с бóльшим теплом и заботой, чем к большинству хозяйских соплеменников — людей. К тому же, в отличие от породистого коня или сокола, которых тоже могли высоко ценить, от питомца никогда не требовалось ничего, кроме как быть рядом и забавлять хозяина.

Масштабных исследований домашних питомцев в Западной Европе Средних веков до сих пор не предпринималось. В обзорной литературе иногда упоминали о питомцах и уходе за ними, но самой практике их содержания не уделяли внимания. На страницах книги я хочу пролить свет на эту практику и обратить внимание на свидетельства ее распространенности в период Средневековья, ссылаясь на разнообразные исторические, литературные и иконографические источники.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПИТОМЕЦ

Что такое питомец?

Питомец — это животное, которое человек держит в качестве компаньона. Животное становится питомцем лишь потому, что человек выбирает его на эту роль. В природе питомцев не существует. Таким образом, «питомец» — это искусственная, созданная человеком категория.

Хотя в этой книге я использую английское слово *pet*, в Средневековье равнозначного термина не существовало. В большинстве источников (как латинских, так и на народных языках) питомцев называют термином, определяющим видовую принадлежность, — собака (*canis*) или кошка (*muriceps*). Современное значение слова *pet* («домашний любимец») появилось лишь в XVI в., да и тогда лишь в Шотландии и северной Англии. Оксфордский словарь английского языка фиксирует первый случай такого употребления в 1539 г.: *for the keeping of certane Pettis* («для содержания определенных питомцев») — и в данном случае речь идет, помимо других животных, о попугаях и обезьянах¹.

Согласно Оксфордскому словарю, питомец — это «животное (чаще всего домашнее или ручное), которое держат ради удовольствия или общения», но такое определение, вероятно, не вполне передает то, как это понимали в Средние века. Кит Томас в книге «Человек и природный мир: меняющееся отношение в Англии, 1500–1800» (Man and the Natural World: Changing Attitudes in England, 1500–1800) трактует «питомца» как животное, которое держат в доме, не едят и называют личным именем; эти полезные критерии применимы и к средневековым питомцам².

Питомцы размывают границы между животным и человеческим статусом. Их могут баловать и относиться к ним как к членам семьи. Их пускают в жилые помещения, кормят и ухаживают за ними с той же заботой, что и за людьми.

Хозяева привязываются к своим питомцам, но одного этого недостаточно, чтобы решить, можно ли отнести любимца к категории питомцев, поскольку в Средние века те же чувства владельцы могли питать и по отношению к другим животным, в частности к тем, что использовались для развлечений на свежем воздухе: к ловчим птицам и особенно к лошадям, — их тоже окружали заботой и вниманием³. По этой причине я сосредоточилась на тех животных, которых держали в доме. Некоторые средневековые питомцы не отвечали и этому критерию, но он объясняет, почему подавляющее большинство домашних любимцев, встречающихся в этой книге, принадлежали женщинам, клирикам и ученым — всем тем, кто проводил больше времени в помещении. Таким образом, наличие питомцев могло служить и гендерным маркером, хотя разграничение было не всегда четким, и не следует сбрасывать со счетов светских мужчин, которые тоже держали дома животных.

Питомец не обязательно должен был быть маленьким, но это удобно, когда животное держат в доме и часто носят на руках. И многие термины, обозначающие собак-питомцев, подчеркивают их малый размер: *catulus* или *caniculus* в латыни, *chienet* в старофранцузском, *hündchen* в средневерхненемецком, *whelp* или *small*

hound в среднеанглийском, *cagnolo* или *cagnolino* в итальянском и *perillo* или *blanchet* в кастильском⁴.

Не имея иной функции, кроме как составлять человеку компанию, средневековые питомцы избегали участи других домашних животных: их не ели, не сдирали с них шкуру, не доили и не использовали для какой-либо работы (от пастушеской службы до охоты). Но, соответственно, они и не обладали особым юридическим статусом, что отмечал Уильям Ламбард в своем руководстве для мировых судей, *Eigenarcha* (1581): «Похищение собак любого вида, обезьян, попугаев, певчих птиц и прочих (хотя бы они и находились в доме) не считается преступлением: ибо все вышеупомянутые существуют лишь для удовольствия и не представляют никакой ценности»⁵.

Контраст между избалованными залюбленными питомцами и прочими домашними животными ярко показан в басне Марии Французской «Осел, пожелавший поиграть со своим хозяином»:

Один богач, как я читал,
Собачку [*chenet petit*] держал.
Он с ней резвился и играл —
Осел игру их увидал.
Осел в душе прекрасно знал,
Что всяк собачку обожал —
Она, хозяину мила,
Дороже золота была.

Полагая, что превосходит собачку размером и добродетелями, осел решил вести себя как она и тем заслужить хозяйскую благосклонность. Однажды, увидев, как хозяин играет с собачкой, он приступил к исполнению плана: громко заревев, ударил хозяина копытами, подражая прыжкам собачки. Хозяин упал, и осел был жестоко наказан. Басня заканчивается тем, что осел возвращается в стойло, усвоив: плебеям не должно стремиться возвыситься⁶.

Средневековая теология традиционно учила, что домашние питомцы, как и все животные, лишены бессмертной души. Однако

Аделард Батский (1080–1152) в своем трактате «Естественные вопросы» (*Quaestiones naturales*) утверждал, что животные все же обладают душой, поскольку способны чувствовать и различать, что желать, а чего избегать, а такое различие может существовать только в душе, но не в теле⁷. Позже идея о том, что животные обладают смертной душой, получила развитие в трудах Фомы Аквинского (1225–1274). Для Аквината, как и для Аристотеля, души животных не бессмертны⁸. Он следовал Августину, полагавшему, что души животных лишены разума и потому исчезают после смерти. Тем не менее сомнения в наличии души у питомцев, судя по всему, не уменьшали ни щедро изливаемой на них любви, ни горя от их утраты.

Кто держал домашних питомцев?

В Средневековые питомцы часто выступали символом того, что хозяева живут в богатстве и роскоши, а то, как этих питомцев содержали, могло демонстрировать стремление хозяев подчеркнуть свой высокий социальный статус и похвастаться материальным благополучием. Однако не стоит сводить связь между наличием питомцев и принадлежностью к высшему классу исключительно к экономическим причинам или рассматривать наличие питомцев просто как прихоть тех, чьи базовые потребности уже удовлетворены⁹.

Другие животные, о которых заботились — прежде всего породистые лошади, охотничьи собаки и соколы, — требовали внимания обученных смотрителей и содержались в специально построенных помещениях (конюшнях, псарнях или соколятнях). Питомцы же, в отличие от них, редко выходили за пределы дома, а если и покидали его, то чаще под присмотром — как правило, чтобы порезвиться в огороженном саду или отправиться на более дальнюю прогулку на руках у хозяина.

В высоком и позднем Средневековье человека можно было охарактеризовать, исходя из того, какое животное он держит.

Подавляющее большинство владельцев питомцев составляли женщины и клирики (как простое духовенство, так и монашествующие). Некоторые светские мужчины тоже заводили домашних любимцев, но в целом предпочитали животных, обладавших теми чертами, которые их хозяева хотели бы демонстрировать миру: силой, преданностью и свирепостью. От питомцев дам и клириков не требовалось ни выполнения особых задач, ни определенных врожденных качеств — ничего, кроме роли компаньона. Вместо преданности — нежная привязанность, вместо агрессивности и силы — способность развлекать и забавлять. Питомцам, как и их хозяевам, не нужно было «сражаться» за место в этом мире. Поскольку множество женщин и клириков держали домашних любимцев, те стали маркерами идентичности этих групп как в общественной, так и в частной сфере. Будучи частью повседневной жизни владельцев и участвуя во многих их занятиях, питомцы становились составляющей их образа. Изображения хозяев с питомцами предоставляют многочисленные свидетельства: владение домашним животным было тесно связано с принадлежностью к определенной группе.

Средневековые питомцы, как и их владельцы, не принадлежали к «внешнему» миру, который был уделом светских женатых мужчин. «Внешний» образ жизни предполагал сражения и охоту, а ни в том ни в другом женщины и клирики участвовать не должны были. Подразумевалось, что они, напротив, пребывали в ограниченном «внутреннем» пространстве. И хоть многие клирики, включая епископов, папских легатов, странствующих монахов и студентов, на самом деле выходили в мир, эти выходы не складывались во «внешний» образ жизни. Несмотря на то что некоторые клирики пренебрегали каноническим запретом на охоту, само существование такого запрета подчеркивало, что охота была частью образа жизни, который им вести не следовало¹⁰. Многие светские женщины также охотились, но при этом на них налагались ограничения: им, к примеру, разрешалось использовать только определенных птиц (таких как маленький ястреб), и действовали они под строгим присмотром.

Еще одним показателем различий в сферах деятельности как хозяев, так и питомцев служит заметная разница в размерах животных, принадлежавших светским мужчинам, с одной стороны, и женщинам и клирикам — с другой. Миниатюрные размеры питомцев исключали большинство функций, кроме роли компаньона, хотя некоторые виды выполняли и другие задачи — например, кошки избавляли дом от грызунов.

В неоднозначности гендерных категорий есть логика, ведь клирики, в силу celibата, фактически представляли собой «третий пол». Поскольку брак и сражение — традиционные маркеры мужественности — были клирикам недоступны, они являли собой еще одну категорию гендерной идентичности¹¹.

В древнеирландских правовых текстах питомцы-собаки ассоциируются с женщинами высокого статуса. В трактате Críth Gablach (VII в.) говорится, что у землевладельца должна быть охотничья собака, а у его жены — комнатная. Другой правовой текст упоминает кошек, которых женщины держали в доме, позволяя им спать в специальных корзинах или на подушке на кровати. Собаку-питомца в ирландских текстах обычно называют *messán*, уменьшительным от слова *mess*, «любимец». Кроме того, текст связывает владение такими собаками с определенным «родом занятий»: врач, арфистка, королева, содержатель гостевого дома (*briugu*)¹². Тот факт, что все мужские профессии, представителям которых можно было заводить питомцев, относятся к невоинским, иллюстрирует связь между наличием домашних любимцев и гендером.

Однако эти нормы не были жесткими. Питомцы часто встречаются в рассказах о представителях королевских семей обоего пола. Король Кастилии Альфонсо X Мудрый (1221–1284) держал домашнего хорька и даже сочинил кантигу* о своем любимце: «Маленький зверек, который так любил короля»¹³. В городах

* Поэтический жанр, распространенный на Пиренейском полуострове в XIII–XIV вв. — Здесь и далее прим. научного редактора, если не указано иное.

питомцев держали как мужчины, так и женщины. Существует экземплум* конца XIV в., порицающий адвоката за чрезмерную привязанность к своим собачкам. Адвокат любит только своих собак и спит с ними в одной постели. Его находят мертвым жена и клиенты; собаки, оставшиеся после его смерти без еды, предают его — их застают за поеданием его трупа¹⁴. Та же тема неразумности чрезмерной любви к питомцам встречается в экземпляме против женщин, держащих дома животных. Иллюстрация в манускрипте начала XIII в. *Chirurgia* изображает хирурга с весами в руках и собачкой на коленях; в итальянском экземпляме начала XV в. врачи посещают пациентов в сопровождении ручной обезьянки¹⁵.

К XV в. содержание домашних питомцев стало «хорошим тоном» среди ученых и тех, кто стремился добиться признания на этой стезе. Питомцы выступали распространенным мотивом в описаниях светских ученых, в иконографии, стихах и письмах. И хотя было бы излишним упрощением утверждать, что искусство и литература просто подражали жизни, имеющиеся свидетельства все же подразумевают, что питомцы не были просто художественным и литературным образом, а составляли привычную часть быта ученых.

Часто считается, что массовым социальным явлением содержание питомцев стало лишь в раннее Новое время. Хотя большинство средневековых источников сосредоточено на высших слоях общества, изображая питомцев как развлечение, популярное среди знати и богатых купеческих кругов, такие свидетельства не означают, что практика содержания домашних питомцев ограничивалась лишь этими классами¹⁶.

* Буквально «пример» — жанр средневековой литературы с выраженной дидактической функцией.

Виды питомцев

Несмотря на то что питомцем могло стать любое животное, некоторые виды выбирали для этой цели чаще прочих. Наибольшей популярностью пользовались маленькие собаки; среди других предпочитаемых видов были кошки, обезьяны, певчие и говорящие птицы, белки, хорьки и кролики¹⁷.

Собаки¹⁸

Обычно отличительной чертой питомцев-собак был их не-
*
 большой размер, а не принадлежность к той или иной породе. Единственная определенная порода комнатных собак, упоминаемая в источниках, — это мелкие курносые длинношерстные (обычно белые) мелитейцы, обильно представленные в иконографии знатных дам. Термин «мелитеец» восходит к классической Античности, когда считалось, что такие собаки происходят с острова Мальта. У раннехристианского автора Климента Александрийского (ок. 150–215 гг.) встречается предвосхищающая средневековую критику избалованных питомцев жалоба на женщин, которые «пренебрегают целомудренной вдовой, чья ценность гораздо выше, чем у мелитейского щенка»¹⁹. Однако источники, указывающие на прямую линию разведения этих собак от Античности до Средневековья, не обнаружены, и к Средним векам термин мог использоваться для обозначения любой комнатной собаки, особенно если она обладала длинной белой шерстью. В иконографии позднего Средневековья мелитейцы в целом выглядят как представители породной группы бишонов²⁰, но это спорно, поскольку изображения собак редко сопровождались письменными описаниями, а большинство источников ограничивались прилагательными, указывающими на размер, цвет и длину шерсти животного. К тому же мелких спаниелей также часто называли мелитейцами,

отчего возникает еще больше путаницы. Собачки, изображенные на серии гобеленов конца XV в. «Дама с единорогом»*, хранящихся в Национальном музее Средневековья в Париже, — яркий пример «мелитейского» типа. На гобелене «О моем единственном желании» (*À mon seul désir*) длинношерстная белая собака сидит лицом к зрителю на расшитой подушке, лежащей на скамье рядом с дамой. На другом гобелене серии — «Вкус» (*Le Goût*) — такая же длинношерстная белая собака стоит на шлейфе платья дамы, глядя на нее снизу вверх²¹. На иллюминированной буквице из итальянского хорала XV в. (ныне хранится в Музее Виктории и Альберта) одна из таких собак играет с сидящей на цепи ручной обезьянкой возле царя Давида (илл. 12).

Среди охотничьих пород, популярных в качестве питомцев, встречались всевозможные разновидности спаниелей, чаще небольшого размера, а также мелкие гончие, такие как бракк²². Вопреки общему правилу, согласно которому предпочтение отдавалось собакам небольшого размера, борзых тоже заводили в качестве питомцев. В иконографии чаще встречаются животные белого окраса, но это может быть просто художественной условностью. Собаки были самых разных окрасов — коричневые, пегие, черные, пятнистые и рыжие. Шерсть их могла быть гладкой или кудрявой, нос — приплюснутым, округлым или заостренным. Убедиться в этом можно на примере манускрипта начала XVI в. из собрания Британской библиотеки, где показана генеалогия королевских домов Испании и Португалии. На миниатюрах вместе с хозяевами изображены разнообразные питомцы: на одном листе донья Иньега держит гладкошерстную белую собачку, на другом донья Констанса гладит коричневую, кудрявую и лохматую; у доньи Эрмесенды на коленях серая длинношерстная собака, а у доньи Изабель на руках крохотная коричневая²³.

* Серия из шести гобеленов, созданных во Фландрии около 1500 г. и посвященных органам чувств.

Говоря о типах собак, следует помнить, что их обычно классифицировали по назначению и породы тогда разграничивались гораздо менее строго, чем сейчас. Джон Кайус в своей основополагающей работе об английских собаках *De canibus Britannicis* (1570) делит их на «род благородный, работающий по дичи», «домашний род, способный к различным необходимым делам» и «род дворняжек, годный для всяких забав»²⁴. Охотничьих собак он подразделяет на предназначенных для работы по зверю и по птице. В его список охотничьих пород, работающих по зверю, вошли «харьер, терьер, бладхаунд, борзая, грейхаунд, лейнер или лаймер, барсучья собака» и нелающая «ночная собака»; по птице — чаще всего пятнистые «спаньель, сеттер, водяной спаньель или ищейка» и «ловец».

От двух категорий охотничьих собак, среди которых все «благородны», Кайус переходит к собакам, которых держат как питомцев: «наши английские собаки третьего благородного рода», «изящные, опрятные и милые, называемые спаниелями нежными, или утешителями» (мелитеец или фотор). Назвав прародиной этих собак Мальту, он описывает их природу, игривую и праздную, предназначенную исключительно для общения и развлечения:

Собачки сии малы, прелестны, благонравны и изящны, их заводят в угоду утонченным и изысканным дамам и ради капризов легкомысленных женщин, как орудия суетности, дабы играть с ними и бездельничать, попусту растрачивая драгоценное время, отвлекать ум от более достойных занятий и тешить порочное пристрастие к пустым забавам (затратное ухищрение, призванное прогнать скуку праздности).

После долгих рассуждений о бесполезности и избалованности этих собак Кайус предпринимает попытку найти «добродетель, которая остается у нежного спаниеля, иначе именуемого утешителем». Он обращается к традиционному поверью, согласно которому маленькие собаки, если прижать их к животу, «хороши,

1. Товия с собакой у ног исцеляет слепоту отца (из книги «Рифмованная Библия» Якоба ван Марланта. Утрехт, 1332 г.)

чтобы смягчить болезнь желудка, почему их часто и прикладывают как предохранительный пластырь, или носят на груди люди больные и слабые; таковое полезное воздействие оказывает их умеренный жар». В заключение он заявляет, что таких собак-питомцев в целом называют *Canis delicatus* и роль их — «домашний компаньон», «приятный товарищ по играм» и «милый червячок».

Среди остальных английских собак Кайус упоминает рабочих псов, к которым относятся «мастиф, или цепной пес», «сторожевая» (охранная собака), «мясницкая собака», «молосс», «собака-посыльный», которая «носит с места на место письма, хитро

упрятанные в ее кожаный ошейник», «лунник» (собака, которая лает на луну), «водонос» (вращает вал колодца), «пес медника» (носит на спине ведра лудильщика) и «собаки-защитники». В завершение Кайус перечисляет низшие виды собак, «смешанного и подлого рода»: «предупреждающий» (который просто лает), «вращатель» (вращает вертел на кухнях) и «танцор» (дрессированная собака, танцующая под музыку). Разница между «приятным товарищем по играм» — комнатной собачкой — и «смешанным и подлым родом» ясно видна в комедии Шекспира «Два веронца», когда Протей хочет послать Сильвии собачку как «маленькое сокровище». Его слуга Ланс теряет комнатную собачку и подменяет ее своей собакой Крабом, «дворнягой», — провальная затея²⁵.

Пород питомцев, описанных Кайусом, нет в большинстве трактатов о собаках, почти все из которых посвящены исключительно охотникам. Например, трактат начала XV в. за авторством Эдуарда, герцога Йоркского, «Хозяин дичи» (перевод знаменитой «Книги об охоте», *Livre de chasse*, Гастона Феба с некоторыми добавлениями) описывает различные виды собак, в том числе гончих, борзых, аланов, спаниелей и мастифов. Все они — охотничьи, за исключением мастифа, чья «обязанность охранять скот и дом своего хозяина»²⁶. Домашние питомцы, у которых никакой «обязанности», кроме как предоставлять трудно определимую услугу товарищества, не было, своего места в мире охоты не имели, поэтому, естественно, в трактате они не упоминаются.

Хотя в классической Античности собака обычно считалась символом верности²⁷, почти все библейские упоминания этого животного носят негативный характер. Исключение составляет Книга Товита, в которой рассказывается, как Товию в его поисках средства для исцеления слепоты отца сопровождает верный пес²⁸. Собака не играет роли в повествовании, но является неизменным

2. Витражное панно с изображением Товия и Сарры в первую брачную ночь, со спящей собакой на кровати (Германия, ок. 1520 г.)

3. Собака бросается на убийцу своего хозяина и оплакивает его тело
(Бестиарий. Франция, ок. 1450 г.)

персонажем в средневековой иконографии этой истории. (См. илл. 1 и 2.)

Хильдегарда Бингенская*, жившая в XII в., полагала, что собаку и человека связывает особая близость, благодаря любви и преданности, питаемым собакой к своему хозяину. Она приписывала всем собакам способность к прорицанию. Собаки могут не только распознать предателя или вора и, узнав его, рычать и скалить зубы, но и предсказывать счастливые будущие события, проявляя радость и виляя хвостом, и, наоборот, предвещать беду воем. Хильдегарда также писала, что дьявол ненавидит собак из-за их преданности людям²⁹.

В средневековом бестиарии собаки «знают свое имя и любят хозяина» и «не могут жить без человеческого общества». Бестиарий рассказывает о некоем царе Гараманте, которого спасли его псы, когда он был захвачен врагами; о том, как собака Ясона отказывалась от еды после смерти хозяина; и как в Древнем Риме пес пытался вытащить тело своего мертвого хозяина из Тибра.

* Немецкая аббатиса, визионерка, поэтесса, автор сочинений по естествознанию и медицине, почитается католической церковью как святая.

Предания из бестиариев также настаивают, что в силу преданности собаки могут разоблачать убийц своих хозяев, — этот мотив встречается и в эпических поэмах (*chansons de geste*)³⁰. (На илл. 3 представлена миниатюра из бестиария, где изображена собака, нападающая на убийцу своего хозяина и тоскующая рядом с его мертвым телом.) В «Парижском Домострое» (1392–1394), тексте по домоводству, написанном пожилым мужем в наставление своей юной жене, изложен традиционный сюжет о собаке, сражающейся с убийцей хозяина, с добавлением для правдоподобия некоторых современных деталей (имена, даты и места). После убийства в 1371 г. Обри де Мондидье его собака проявляла особую ненависть к человеку по имени Макер. Французский король Карл V Мудрый (правивший в 1364–1380 гг.) повелел провести судебный поединок между Макером и собакой. Собака выиграла поединок; Макер признался в преступлении и был повешен. В тексте говорится, что следы арены для этого поединка еще можно было видеть на полях острова Нотр-Дам в Париже. История об убийце Макере и собаке фигурирует и в других источниках, включая «Книгу об охоте» Гастона Феба XIV в., где она приводится среди множества других рассказов о собачьей верности.

Автор «Парижского Домостроя» также утверждал, что был непосредственным свидетелем собачьей верности до самой смерти. Когда французы взяли город Ньор в Аквитании после битвы при Шизе в 1373 г., он видел там старую собаку, лежавшую день и ночь на могиле, где был похоронен ее хозяин, убитый англичанами. Герцог Беррийский, увидев, как собака отказывается покинуть могилу, был глубоко тронут и распорядился назначить животному пожизненную пенсию в десять франков, которую выплачивали соседу, чтобы тот кормил ее до самой смерти.

«Парижский Домострой» подчеркивает верность обычных собак, — а не только исключительных, как собака из Ньора, — верность, которой любящая и преданная жена должна стараться подражать:

Среди домашних животных ты увидишь, как борзая, или мастиф, или маленькая собачка, будь то в дороге, за столом или в постели, всегда держится близ того, от кого получает пищу, и оставляет всех прочих, сторонится их и дичится; и если собака отдалится, то все равно обращает сердце и взгляд к хозяину; даже если хозяин бьет ее кнутом и швыряет в нее камни, собака следует за ним, виляя хвостом и ложась перед ним, чтобы умиловить, и через реки, через леса, и среди разбойников, и среди битвы следует за ним³¹.

Несмотря на это отступление о собачьей верности, следует заметить, что все примеры собачьей преданности до самой смерти связаны с животными, принадлежавшими светским мужчинам. Верные собаки женщин и духовных лиц редко фигурируют в подобных рассказах, их основной ролью, по-видимому, была роль ласкового компаньона.

В Средневековье собака — питомец, в ней видели существо, наделенное большими добродетелями, чем такие животные, как кошки или обезьяны. Из уважения к достойным восхищения качествам собак, прежде всего верности, английский ученый XII в. Александр Неккам в своем труде «О происхождении вещей» (*De naturis rerum*) поставил их на первое место среди всех домашних животных³².

Кошки

Кошки во времена Средневековья были популярны в качестве питомцев. Однако их роль менее однозначна, чем у собак, поскольку во многих домах их держали не только как компаньонов, но и для ловли мышей³³. А коль скоро они могли добывать пищу самостоятельно или питаться объедками, их сложно отследить в хозяйственных записях. В документах XII в. об аренде манора* у собора Святого Павла

* Феодальное поместье в средневековой Англии и Шотландии.

в Лондоне упоминаются один *cattus senex* («старый кот») и два *juvenes catti* («молодых кота»). В расходных книгах манора Каксхэм в 1293–1294 гг. есть запись о сыре, купленном для кота (*I caseum comm' per catum*), и хотя этот кот, возможно, тоже служил мышеловом, тот факт, что его кормили особой едой, а не оставляли «на подножном корме», может говорить о том, что он был животным-компаньоном³⁴.

Ученый XIII в. Бартоломей Английский в своем труде «О свойствах вещей» (*De proprietatibus rebus*) писал, что кошки бывают разных окрасов: белые, рыжие, черные, «попадаются пятнистые, как леопард». Тем не менее, судя по иконографии, большинство средневековых кошек были серыми полосатыми. Бартоломей Английский далее описывает кошку как животное с большим ртом, острыми зубами и длинным мягким языком. В молодости кошки прыгают на все, что перед ними окажется, и, если провести перед ними соломинкой, гоняются за ней и играют. К старости они, напротив, тяжелеют и вечно дремлют³⁵.

Его современник, Альберт Великий (ок. 1200–1280), в своем труде «О животных» (*De animalibus*) сообщает, что кошка

наслаждается чистотой и по этой причине подражает умыванию, облизывая передние лапы, а затем, облизываясь, разглаживает всю свою шерсть <...> Это животное любит, когда человек его легонько поглаживает, и игриво, особенно в молодости. Когда кошка видит свое отражение в зеркале, она играет с ним, и если случайно увидит себя сверху в воде колодца, хочет поиграть, падает в колодец и тонет, поскольку ей вредит сильное намокание, и она умирает, если ее быстро не высушить. Кошка особенно любит теплые места, и ее легче удержать дома, если ей подрезать уши, поскольку она не переносит, когда в уши ей капает ночная роса. Она одновременно и дикая, и домашняя. Дикие кошки все серого цвета, но домашние имеют различные окрасы. У них есть усы вокруг рта, и, если их обрезать, кошка утрачивает смелость³⁶.

Еще один энциклопедист XIII в., Фома из Кантемпре, добавляет к описанию кошек характерную черту — мурлыканье: «Они наслаждаются, когда их гладит рука человека, и выражают свою радость свойственным им родом пения»³⁷.

То, что говорит о кошках Хильдегарда Бингенская, резко отличается от ее же слов о собаках, известных своей верностью. Кошек она описывает как неверных, поскольку они остаются с любимым, кто их кормит³⁸.

В рукописи «Кентерберийских рассказов» Чосера, хранящейся в аббатстве Баркинг в Эссексе, неизвестный писец XV в. добавил несколько строк и еще одного питомца к «собачкам» Аббатисы: «золотистого», пьющего молоко, пушистого, мурлычущего зверя:

Был у нее и котик препушистый,
Достойный зверь, оттенком золотистый.
Как был он мудр! Впустую не мяукал,
Вполглаза спал, но — всем котам наука! —
Magnificat хозяйка запоем —
Благочестиво подпевает кот.
Кот мясо всех ловчее воровал.
Мышам и молоку он рад бывал,
Но, правда, птиц любил сильнее всего.
Хвост гордо возносился у него,
Как у павлина. А уж как мурчал!
Кота я безупречней не встречал³⁹.

В «Рассказе эконома» Чосер подчеркивает дикость домашней кошки, сравнивая ее с женой: обе являются пленницами и сластолюбивы. Хотя хозяин может баловать кошку молоком и мясом и стелить ей шелковую постель, в душе она остается дикой и легко может оставить эту роскошь ради того, чтобы поймать мышь:

Возьмите кошку, молоком поите
Иль мясом, рыбой вы ее кормите,
А под вечер укладывайте спать
С собою рядом в теплую кровать —
Но пусть услышитмышь она в норе
Или увидит птицу на дворе,
Вмиг позабудет сливки, молоко,
Глаза свои раскроет широко
И на охоту тотчас побежит,
Такой у ней к охоте аппетит.
Коль угнездилась от природы страсть,
Ее ничем непобедима власть*.

Батская ткачиха рассказывает, что говорил ей один из ее мужей:

Ты говоришь, что я, мол, словно кошка,
Что стоит сжечь моих волос немножко,
И никогда уж не покину дом.
Дурак! дурак! Не знаешь ты о том,
Что, коль бедова и красива Мурка
И коль ее мягка, пушиста шкурка,
Она и дня с тобой не проведет,
Махнет хвостом, мяукнет и уйдет.
Спали тогда волос ее хоть горстку,
А все пушистой и блестящей шерсткой
Пойдет она по крышам красоваться,
Чтоб песни петь, с котами бесноваться.

И если муж обвиняет Батскую ткачиху в том, что она кошка, та в свою очередь называет его «пьяным, какмышь», подчеркивая

* Здесь и далее цитаты из «Кентерберийских рассказов» приводятся в переводе И. А. Кашкина и О. Б. Румера.

свою хищническую природу. При этом со времен Аристотеля кошка считалась весьма похотливым зверем. Упоминание о подпаливании ее шерсти связано с поверьем, будто это заставит животное оставаться дома⁴⁰. У кардинала Жака де Витри (ок. 1160/70–1240) есть экземплум о прекрасной кошке, которая любила гулять, пока хозяин не опалил ей хвост и не выдрал шерсть, после чего она застыдилась покидать дом⁴¹.

В Средние века у кошки было множество негативных коннотаций. Обычно ее связывали с дьяволом. В начале XIV в. Арнольд Льежский сравнивал кошку, играющую с мышью, с дьяволом, забавляющимся с человеческой душой⁴². Кроме того, кошек ассоциировали с ересями. Французский теолог XII в. Алан Лилльский утверждал, что название катаров происходит от кошек и что они поклонялись черному коту — дьяволу в обличье животного — и целовали его под хвост во время своих служб. Среди обвинений, выдвинутых против тамплиеров в 1309 г., также было утверждение, что они поклонялись коту⁴³.

Феномен животных-фамильяров, упоминаемых на процессах о колдовстве в Англии раннего Нового времени, выходит за рамки этой книги, однако многие из предполагаемых магических помощников, по-видимому, были питомцами обвиняемых. Фамильярами признавались не только кошки, но и собаки, а также жабы и летучие мыши. На одном из самых ранних процессов, в 1324 г., дама Алиса Китлер из Килкенни в Ирландии была обвинена в занятиях колдовством (*maleficia*), а также в отравлении своих мужей, и утверждалось, что ее посещал инкуб в образе большого пушистого черного кота. В Англии один из первых случаев упоминания кота-фамильяра во время суда над ведьмой относится к 1566 г.: некая Элизабет Фрэнсис из Челмсфорда была обвинена в том, что общалась с большим белым пятнистым котом, своим предполагаемым фамильяром, называя его Сатаной; у кота была собственная спальная корзинка⁴⁴. Связь кошки с магией, ересью и колдовством отчасти объясняется ее особым статусом животного одновременно домашнего и дикого.